

С покорством покаянная чета,
Склонись, молилась, ибо Благодать,
С Престола милосердия сойдя,
Их осенила, камень из сердец
Исторгла, обновленную, взамен,
Живую плоть любовно возродив,
Исполненную вздохов несказанных,
Что на крылах молитвы, к Небесам,
Любого красноречия быстрее,
Взлетали, но в супругах обличал
Величественный образ не убогих
Просящих, нет! молитва их была
Не менее существеннее той,
С которой Пирра и Девкалион
Предстали пред святилищем Фемиды
Как древнее предание гласит,
Хотя позднейшее, чем наш рассказ,
И с трепетом просили у богов
Потопом истребленный род людской
Восстановить. Прямой стезей летя
На Небо, Прародителей мольбы
Завистливыми ветрами с пути
Не отклонялись и по сторонам
Развеянные не блуждали втуне,
Но в Эмпирейские вошли Врата,
Заступник величайший облачил
Их фимиамом, что на алтаре
Курился золотом, они взвились
К престолу Вседержителя и Сын
Представил их, возвеселясь, Отцу,
За грешников ходатайствуя так:

"Возри, Отец! Вот первые плоды
Земные, милосердием Твоим
Вращенные, воспринятым людьми!
Молитвы эти, вздохи в золотом
Кадиле, с фимиамом заодно,
Я, Твой Первосвященник, приношу,
Плоды, что от семян произошли,
Которые Ты в сердце заронил
Адама сокрушенное, они
Намного сладостней плодов любых,
В Эдеме зреющих на деревьях,
Возделанных Адамом, до того,
Как он пограл запрет. Склони Твой слух
К мольбам и воздыханиям немли
Безмолвным! Неискусен Человек
В молитвословиях, но Мне дозволю
Их толковать, ведь Я его Ходатай,
Умилостивление за грехи,
Все добрые, недобрые дела,
Им совершенные, Мне одному
Вмени, значеньем собственных заслуг,
Я первые возвышу, искупит
Вторые смерть Моя. Прими, Отец,
Меня и заодно со Мной, прими
Душистый фимиам его молитв.
О примиренье! Пусть он проживет,
Прощенный, дней положенных число.
Хотя и грустных, до тех пор, когда
Осуществится смертный приговор,
Который отменить Я не прошу,
Но облегчить и смерть его к другой,
Гораздо лучшей жизни воскресит,

Где, Мною искупленные, вовек
Пребудут в ликование и блаженстве,
Единое со Мной образовав,
Как составляю Я с Тобой одно!"

Отец безоблачный и светлый рек:
"Твое заступничество за людей
Приемлю, ибо Мною предрешено.
Однако людям долгие жить в Раю
Закон, предписанный Природе Мною,
Не позволяет. Чистый мир стихий
Бессмертных, чуждый грубым веществам,
Нестройным смесям, сочетанью скверн,
Теперь извергнет поврежденных прочь,
Извергнет, словно грубую болезнь,
В такой же грубый воздух, где во снедь
Дана им пища брэнная, дабы
Их к разрушению расположить,
К распаду, под воздействием греха,
Что все сгубил, нетленное растлив.
Два дара Человеку Я вручил,
Создав его, блаженство и бессмертье.
Безумно он утратил первый дар,
Затем увековечил бы второй
Его беду, когда бы Смерть к нему
Я не привел и повелел ей стать
Последним исцеленьем от невзгод,
И после жизни, полнотой мытарств
Испытан, благочестьем убелен
И подвигами веры, ото сна
Могильного внезапно пробудясь,
В День воскресенья мертвых из гробов,
Для новой жизни, возвратится вновь
Он, с новым небом, новою Землей,
Со всеми праведными к Божеству.
Но созовем синод Блаженных, пусть
От Эмпирейских дальних рубежей
Обширных явятся не утаю
От них Мой приговор. Им довелось
Узреть, как Я недавно покарал
Виновных Духов, да узнают ныне
Судьбу, которую определил
Для Человечества, и хоть верны
Неколебимо, крепче утвердят
Приверженность надежную свою."

Он смолк и Сын великий подал знак
Блистательному стражу, что стоял
Недалеке, страж вострубил в трубу,
Быть может, в ту, взывавшую позднее,
При нисхожденье Бога на Хорив,
Ее, быть может, некогда услышат,
Гремящую в День Страшного Суда.
Трубленье Ангельское разнеслось
По всем краям Небесным, отовсюду
Из амарантовых, счастливых кущ,
От берегов ручьев живой воды,
Где Дети Света, в радостном кругу,
Общались меж собой, они спешат
На Царский зов, занять свои места,
С Престола высочайшего Господь
Веленье всемогущее изрек:

"Сыны Мои! Вот, как один из нас

Отныне стал Адам, вкусил он плод
Запретный и Добро и Зло познал.
Пускай гордится веденьем Добра
Утраченного, разуменьем Зла
Приобретенного, но был бы он
Счастливей, если б знал Добро одно,
А Зла не ведал вовсе. Он весьма
Скорбит, раскаиваясь и моля
Прощенья: это Мною внушено,
Однако, предоставленный себе,
Он суетен и шаток, посему,
Дабы он к Древу Жизни не простер
Длань дерзновенную и не вкусил,
Чтоб стать бессмертным, даже не мечтал
О вечной жизни, изгоню его
Из Рая, для возделанья земли,
От куда взят, воистину, приют
Ему гораздо свойственной теперь!
Сверши Мое веленье, Михаил!
Из Херувимов избери бойцов
Пылающих, дабы коварный Враг,
В поддержку Человеку иль стремясь
Эдем присвоить праздный, новой смуты
Коварной бы не произвел, спеша
И беспощадно грешную чету
Из Рая выдвори, запрещено
Топтать святое место нечестивцам,
Им возвести, что изгнаны они
Со всем своим потомством навсегда,
Но грозно приговор не объявляй
Суровый, чтоб их вовсе не сразить,
Я вижу, как, смягчась, они вину
Оплакивают. Ежели приказ
Покорно примут Мой не откажи
Им в утешенье, поучи, наставь,
Открой Адаму что произойдет
В грядущем, как тебя Я вразумлю,
Упомяни завет Мой о грядущем
Восстановленья в семени Жены
И горемычных с миром изведи.
С восточной стороны, где доступ в Рай
Всего удобней, учреди посты
Из Херувимов, пламенем меча
Широковещущим, Мой сад укрой,
Пускай страшит оно издалика
Всех приближающихся и замкнет
Дороги к Древу Жизни, чтобы Рай
Не обратили Духи Зла в притон,
Моими Древесами завладев,
И с помощью похищенных плодов
Не соблазнили б сызнова людей."

Он смолк. Архангел вмиг пустился в путь,
С ним Херувимов блещущая рать,
И каждый Херувим четверолик,
Как Янус двоекратный, все бойцы
Многоочиты, их тела везде
Усеяны глазами без числа
И недреманней Аргусовых глаз,
Аркадская бы флейта усыпить
Их не могла бы сельская свирель
Гермеса, ни его снотворный жезл.
Тем часом Левкотей, пробудись,
Приветствовала мир священным светом

И землю бальзамической росой
Кропила вновь, Адам прервал тогда
Молитву и Праматерь прервала,
И оба снова силы обрели,
Ниспосланные свыше, некий луч
Надежды, что в отчаянье самом
Блеснул утешно, радость пополам
Со страхом. В разногласье этих чувств,
Адам, с бывалой милостью, к жене
Склонился и такую начал речь:

"Я верю, Ева, что обилье благ,
Доступных нам, ниспослано с Небес.
Не верится, чтобы от нас могло
Подняться к Небу нечто, повлияв
На мысли Всеблаженного Творца,
И волю преклонить Его, меж тем
Молитва теплая, короткий вздох
Людского сердца могут вмиг достичь
Престола Миродержца. С той поры,
Как Бога оскорбленного смягчить
Мольбой решил я, на колена пал
И сердце сокрушенное отверз,
Мне кажется Он милосердно слух
Склонил и кротко вял. В моей душе
Мир воцарился вновь и я обет
Всевышнего внезапно вспомянул,
Что семя некогда твое сотрет
Главу Врага, об этом, уstraшенный,
Забыл я, но отныне убежден,
Что горечь смерти миновала нас
И мы пребудем живы, не умрем.
Возрадуйся же, истинная мать
Людского рода, мать живых существ!
Жив Человек тобою, и живет
Для Человека всяческая тварь."

Но Ева грустно молвила в ответ:
"Достойна ль я, виновная, носить
Такое имя? Должная во всем
Тебе помощничать, я приспешила
Твою погибель, подобают мне
Упреки, недоверие, позор.
Но мой Судья безмерно милосерд,
Я первая преступно прийела
На Землю Смерть, а Он меня вознес
И благодатно удостоил стать
Истоком первым жизни, так же ты
Весьма великим званьем наделил.
Хоть по заслугам зваться я должка
Совсем иначе. Нас, однако, ждет
Работа в поле. Нам в поту лица
Теперь трудиться ведено, хотя
Ночь напролет не спали мы. Гляди!
О наших треволненьях не печась,
Заря, как прежде, розовой тропой
С улыбкой шествует и мы пойдем!
Теперь я от тебя не отдалюсь
Вовеки, где б ни ждал урочный труд,
Отныне целодневный, но доколь
Мы обитаем здесь, что отягчить
Способно столь приятные прогулки?
Пускай мы пали, будем жить в Раю,
Довольны тем, что обитаем здесь."

Так чаянья Праматерь излила
В смиренни глубоком, но Судьба
Иное уготовала. Сперва
Природа знаменья дала, явив
На воздухе, на птицах, на зверях.
Недолгий, розовый рассвет померк,
И в воздухе, что сразу потемнел,
Юпитерова птица, с вышины
Парящего полета своего,
На двух пернатых дивной красоты
Ударила и ринулась вдогон,
И первый ловчий, царь лесов, с холма
Крутого устремился за оленем
И ланью нежною четой лесной,
Прелестнейшей, спасения ища
От хищника, они бежали прочь,
К Вратам восточным Рая и следя
Глазами за оленями и львом,
Встревоженный Адам сказал жене:
"О Ева! Измененья нам грозят!
Немые Небо знаки подает,
Вещая о намереньях своих,
Не то остерегая от надежд
На упразднение кары, ибо смерть
На малое число коротких дней
Отсрочена. Как дальше будем жить
И долго ли, кто знает? Лишь одно
Известно: прах мы оба и во прах
Вернемся, и не станет вовсе нас.
Зачем иначе этот знак двойной
Погони в воздухе и на земле,
Все в том же направленье, на Восток?
Зачем Восток до полдня потемнел,
А Запад ярче утренней зари,
И облако слепящей белизны
С лазоревых снижается высот?
Небесное укрыто нечто в нем!"

Он не ошибся. В облаке отряд
Посланцев Божьих с яшмовых Небес
Спустился, на холме расположась.
Величественный вид, когда б не страх
Телесный не сомненье в этот миг
Не замутили Праотцу глаза.
Не величавей ангельским полком
Иаков был в Маханаиме встречен,
Где в поле он увидел ратный стан
И лучезарных стражей у шатров,
С блистанием не большим, на горе
Пылающей, огнистые войска
Возникли в Дофаиме, оным днем,
Когда Сирийский царь, чтоб завладеть
Единым человеком, как злодей
Напал, без объявления войны,
На город весь. Державный Иерарх,
Оставив на холме блестящий строй
Воителей, велел им Сад занять,
А сам пошел туда, где Пращур наш
Скрывался. Посетителя узрев
Великого, Адам проговорил:

"Известий важных, Ева, ожидай,
Возможно, мы узнаем о судьбе

Грядущей нашей либо нам закон
Предпишут новый. Вижу, вдалеке,
Из облака сияющего, холм
Окутавшего, некий муж возник,
Осанкой Небожитель и притом
Не из простых, а наивысший чин,
Господство иль Престол, так величав
Идущий. Не пугает он ничуть,
Но не пленяет кротостью лица
Приветливой, которой Рафаил
Вселял доверье. Этот слишком строг
И царственен. Дабы не оскорбить
Его торжественности, я приму
С почтеньем гостя, ты же удались."

Он смолк. Архангел вскоре подошел,
Он Эмпирейский образ изменил
И чтобы с Человеком говорить,
Облекся в человеческий наряд.
Поверх его сверкающей брони
Свободно развевался рдяный плащ
Военный, но цветистей во сто крат,
Чем пурпур Мелибеи или Сарры,
Которым облекались в старину
Герои и цари, когда вели
Переговоры мирные, сама
Окрасила Ирида ткань плаща.
С откинутым забралом звездный шлем
Являл прекрасный, мужественный лик
Архангела, как бы его черты
Недавние приметы юных лет
Утратили, висел огромный меч,
Гроза погибельная Сатаны, -
На поясе, подобном зодиаку
Блистательному, при бедре, копье
В его руке. Адам простерся ниц,
Но Дух, по-царски не склонив главы,
О цели посещения молвил так:

"Небесным приговорам не нужны
Вступления. Услышаны мольбы
Твои чистосердечные и Смерть,
Чьей жертвою ты присужден был стать
В день прегрешенья твоего, теперь
Надолго без добычи. Много дней
Даровано тебе, дабы ты мог,
Раскаявшись, посредством добрых дел
Исправить зло, тогда Господь, смягчась,
Тебя, возможно, искупит совсем
От алчной пасти Смерти, но в Раю
Не позволяет дольше обитать.
Тебя я прибыл выдворить, чтоб землю
Ты стал возделывать, откуда взят.
Она гораздо свойственней тебе!"

Умолк Архангел, ибо эта весть
Адама поразила, он застыл,
Окаменев от скорби ледяной,
Но выдал Евы исступленный вопль
Ее убежище в густых кустах:

"О, бедствие нежданное, грозней,
Жесточе Смерти! Как покину Рай,
Как Рай утрачу, родину мою,

Вас, уголки тенистые и рощи
Блаженные, достойные богов,
Где я мечтала мирно провести,
Хотя и грустно, отведенный срок,
До смерти, неминуемой для нас?
Вы, райские цветы! В иных краях
Нигде вы не растете, только здесь!
Я холила вас первых, на заре,
Последних навещала ввечеру
И почки ваши бережной рукой
Лелеяла, давала имена!
Кто вас любовно к Солнцу обратит,
Кто по родам распределит, польет
Живой водой амврозийных ручьев?
Ты, куща брачная! Всем, что отрадно
Ласкает обоняние и взор,
Тебя я украшала! Как могу
С тобою разлучиться и бродить
В угрюмом, полном дикости и тьмы,
Гораздо низшем мире? Как же мы,
Вкушавшие бессмертные плоды,
Нечистым будем воздухом дышать?"

Прервал Архангел кротко Евин плач:
"Не сетуй и с терпеньем покорись
Утрате справедливой! Чересчур
Не прилепляйся всей душой к вещам,
Которыми не вправе обладать.
Уйдешь ты не одна, с тобою муж,
Ступай за ним и где б он ни избрал
Пристанище, твоя отчизна там!"

От скорби ледяной в себя придя,
Адам скрепился и обрел слова,
Смиренно к Михаилу обратясь:

"Небесный! Ты, наверно, из числа
Престолов иль, возможно, их Глава.
Князь над князьями, с кроткой добротой,
Ты страшное известье сообщил,
Сурово сообщенное, оно
Безмерную бы причинило боль,
А исполненье бы могло убить,
Столь много нам, бессильным, доведется
Перенести отчаянья, тоски
И горя, ибо мы принуждены
Покинуть благодатные места,
Счастливую обитель, дивный Сад,
Единую утеху наших глаз!
Нам прочие покажутся края
Пустыней нелюдимой и чужой,
Враждебной нам, безвестным чужакам,
Когда б я, неотвязчиво молясь,
Надеялся веленья изменить
Того, Кто может все, я день и ночь
Вопил бы, но беспомощны мольбы
Пред непреложной волей Божества,
Как против ветра дуновенье уст,
Что возвращается опять в уста
И удушает дерзкого. И так,
Я покоряюсь Высочайшей воле,
Но горше, чем изгнаньем, удручен
Я тем, что Рай покинув, удалюсь
От Лика Божьего и навсегда

Лишусь блаженства Бога лицезреть.
Благоговейно посещал бы здесь
Я те места, которые Творец
Святым Своим присутствием почтил,
Сынам повествовал бы: "На горе,
Вот этой, мне являлся Царь Небес,
Под этим деревом стоял Господь,
Средь этих сосен я Ему внимал,
У этого источника с Творцом
Беседовал!" Я всюду бы воздвиг
Из дерна жертвенники, алтари
И камни яркие в ручьях собрав,
На поминанье будущим векам
Сложил бы грудями, дабы цветы,
Плоды и ароматную смолу
Миродержавцу в жертву приносить.
Где в мире низменном я отыщу
Явленье Всемогущего, следы
Его священных стоп? Хоть я бежал
От гнева Божьего, но снова Он
Призвал распянного и продлил
Мне жизнь, и семя обещал мое
Умножить, я утешенный, готов
Хотя бы слабый отсвет созерцать
Господней славы и к Его стопам
Моленья воссылать издалека!"

Приветно глядя, молвил Михаил:
"Ты ведаешь Творцу принадлежат
Земля и Небо не один утес
Эдемский этот! Сушу и моря,
И воздух вездесущностью своей
Он наполняет и любую тварь
Могучей силой действенной живит,
Питает, согревает. Он во власть
Всю Землю дал тебе не малый дар,
Так не считай, что ограничил Бог
Эдемским или Райским рубежом
Свое присутствие. Здесь, может быть,
Располагался бы твой главный стан,
От сюда поколенья сыновей
Твоих бы разошлись и вновь сюда
Стекались бы со всех концов Земли,
На поклоненье Праотцу людей
Великому. Но ты свои права
Высокие утратил, на равнину
Ты будешь низведен, чтоб наравне
С твоими сыновьями обитать.
Откинь сомненья, в долах и полях,
Равно как здесь, присутствует Господь.
Его благие знаменья везде
Ты встретишь, милостиво осенен
Отеческой любовью и во всем
Увидишь образ Божий, и следы
Священного присутствия Творца.
Дабы ты веру эту укрепил
До твоего исхода в нижний мир,
Твою судьбу и твоего потомства
Тебе открыть я послан. Будь готов
Узнать о добрых и дурных делах,
О благодати Всевышнего в борьбе
С людской греховностью и научись
Терпенью истинному, умеряй
Веселье страхом набожным, слезой

Печали благочестной и сноси
Равно преуспеяньей беду
Умеренно. Так жизнь ты проведешь
Наиспокойней, смертный переход
Свершить готовясь в надлежащий час.
Взойди на этот холм. Пусть Ева снит,
Пока грядущее ты узришь въявь.
Я очи ей сомкнул, ты пребывал
В таком же сне, когда она была
Из твоего ребра сотворена."

Признательно Адам сказал в ответ:
"Иди, я за тобой, надежный Вождь,
Последую, карающей Руке
Всевышнего покорно подчинюсь
И грудью встречу будущее зло,
Для одоления вооружась
Терпением и отдых заслужу
Трудом прилежным, ежели покой
Возможно обрести подобной жизнью."

Они в виденьях Божьих поднялись
На гору, высочайшую в Раю,
С вершины этой открывался вид
Земного полушария и взор
До самых дальних проникал границ.
Ее не превышала вышиной,
Обширней вида не могла открыть
Гора, куда Врагом второй Адам
Был по иной причине вознесен,
В пустыне, для того, чтоб он узрел
Земные царства и всю славу их.
Оттуда Пращур взглядом охватил
Простор, где возвышались города
В древнейшие и новые, века,
Столицы пресловутых государств,
От Камбалу, где Хан Китайский правил,
От Самарканда, где струится Оке,
Где Тамерлана горделивый трон,
И до Пекина пышного дворца
Китайских Императоров, потом (
Свободно взоры Праотец простер
До Агры и Лагора городов
Великого Могола, дальше, вниз,
К златому Херсонесу и туда,
Где в Экбатане жил Персидский Царь,
А позже в Исфагани правил Шах,
К Москве державе Русского Царя,
И к Византии, где воссел Султан,
Рожденьем турок, зоркий взор Адама
Владенье Негуса не пропустил,
И отдаленный Эфиопский порт
Эркоко и приморье малых стран,
Края Момбазы, Квиллоа, Мелинды
И Софалы, она и есть Офир,
По мнению многих, дальше увидел
Он Конго и южнейшую Анголу,
И Нигер, и Атласский горный кряж,
И царства Альманзора, Фец и Сус,
Марокко, и Алжир, и Тремизен,
Затем Европу различил, где Рим
В грядущем правил миром, может быть.
Град Мехико роскошный он сумел
Духовным созерцаньем разглядеть,

Столицу Монтесумы и стократ
Пышнейший Куско, в Перу, где престол
Атабалипы и Гвиану, край
Еще не разоренный, Эль-Дорадо
Прозвали Герионовы сыны
Его столицу. Но, стремясь явить
Важнейшие виденья, Михаил
С Адамовых зениц убрал плевую,
Которую, прозрение суля,
Навел коварный плод, очистил нерв
Адаму зрительный травой глазной
И руты, ибо многое узреть
Придется Пращуру, три капли влил
Живой воды, ее струю дарит
Источник жизни. Сила этих средств
С такою быстротой проникла внутрь
Вместилища мыслительного зренья,
Что, приневоленный смежить глаза,
Он рухнул и в оцепененье впал,
Но кроткий Ангел за руку вознес
Адама, ко вниманию призвав:

"Отверзи взор и прежде созерцай
Влиянье первородного греха
На некоторых из твоих сынов
Предбудущих. К запретному плоду
Они не прикасались и в союз
Со Змием не вступали не грешили
Твоим грехом, но смертный яд греха
Их заразил и много за собой
Ужасных злодеяний повлечет!"

Адам открыл глаза и вот пред ним
Большое поле: сторона одна
Возделана, уставлена подряд
Снопками новыми, на стороне
Другой овечье пастбище, загон,
Меж сторонами жертвенник простой,
Дерновый, возвышается как столп
Граничный. Земледелец, весь в поту,
Усталый, возлагает на алтарь
Свой первый сбор, небрежно, впопыхах,
Зеленые колосья, желтый сноп, -
Что подвернулось под руку. Вослед
Пастух безгневный первенцев принес
Отборных, в жертву, от своих отар,
Посыпав ароматами, сложил
И тук и внутренности на дрова,
Все должные обряды совершив,
И благосклонный огонь, сойдя с Небес,
Проворно жертву пламенем пожрал,
Дымя душисто. Земледельца дар
Неискренний не тронут был огнем.
Завистник втайне злобой закипел,
Беседуя, ударил камнем в грудь
Соперника. Смертельно побледнев,
Пастух упал и хлынула струя
Кровавая и душу унесла.
Смятенный, негодующий Адам
Воскликнул, к Михаилу обратясь:
"Учитель! Что за грозная напасть
Постигла мужа кроткого сего,
Чья жертва столь чиста? И это мзда
За благочестие и доброту?"

Ответил Ангел, тронутый равно:
"Ты видишь братьев, что произойдут
От чресл твоих, Адам. Возревновав
О том, что жертва брата Небесам
Угодна, праведного умертвил
Неправедный, но отомстится дело
Кровавое и богомольный брат
Наградю не будет обойден,
Хотя в крови и прахе он простерт
И умирает на твоих глазах."

Наш Пращур вымолвил: "Увы, страшны
И повод и деяние! Ужель
Я видел смерть! Ужель я так вернусь
Во прах родимый? Мерзостно глядеть,
Ужасно мыслить каково снести!"

Ответил Михаил: "Ты видел смерть
Во первообразе, но счету нет
Ее обличьям. Множество путей
Ведут в ее пугающий вертеп,
Они печальны все, но эта сень
На подступах ужасней, чем внутри.
Иных людей, как видишь, умертвит
Жестокое насилие, а других
Огонь, вода и голод, очень многих
Обжорство, бражничество, порождают
Они болезни тяжкие, толпа
Чудовищная хворей пред тобой
Сейчас предстанет, чтобы ты познал,
Как много причинится людям бед
Невоздержаньем Евы!" В тот же миг
Он помещенье грустное узрел,
Зловонное и сумрачное: род
Больницы, где лежали без числа
Страдальцы. Все недуги были здесь:
Мучительные судороги мышц,
Грудная жаба с грозной тошнотой,
Горячки, спазмы, злобный рой простуд
И мочевые камни, астма, рак,
Падучая, сухотка и чахотка,
Все виды колик, сыпи, лишаи,
Водянка, беснованье, лунатизм,
Тупая меланхолия, чума
Опустошительная, лютый мор
И расслабляющая ломота.
Их корчи страшны, стоны глубоки,
От ложа к ложу второпях снует
Отчаянье сиделка и копье
Над ними с торжеством колеблет Смерть,
Но медлит нанести удар, хотя
Его, как наивысшее из благ,
Вымаливают часто бедняки,
Последнюю надежду видя в нем.
Какой каменносердый бы глядел
Без слез на эту страшную картину?
Адам не мог, он горько слезы лил,
Хотя и не был женщиной рожден.
Над мужеством победу одержав,
Открыло состраданье слез родник,
Покуда мысли твердые опять
Волненье не умерили. Едва
Способность речи Праотец обрел,

Он жалобы свои возобновил:

"О, как ты погран, жалкий род людской!
Как низко пал! Зачем ты сохранен?
Уж лучше б не рождался ты! Зачем
Так отнимать дарованную жизнь?
Зачем ее навязывать? Ужель
Кто-либо, зная настоящий смысл
Подарка, согласился бы принять
Иль не вернул бы вскорости, моля
Об отпущенье с миром? Божий лик,
Что в Человеке некогда сиял
Высокой красотой, пускай теперь
И омраченный, вследствие греха,
Возможно ли до столь жестоких мук
Бесчеловечных, немощей таких
Уродских, на которые нельзя
Взирать без содроганья, довести?
О почему, поскольку Человек
Часть Божьего подобья удержал,
От срама не избавлен? Почему
Его не пожалеть, не пощадить
Из уваженья к образу Творца?"

"Господень образ, молвил Михаил,
Покинул их, когда они себя
Унизили и стали вожделенья
Невольниками, образ обрета
Того, чьему служенью предались
Порока скотского, который ввел
Во искушенье Еву, от того
Гнусна их казнь. Искажено людьми
Подобье собственное не Господне,
Природы чистой мудрые законы
В болезни мерзкие преобразив,
По праву люди кару понесли
За то, что ими образ осквернен
Всевышнего Творца в себе самих."

"Суд Божий справедлив, сказал Адам,
Я покоряюсь. Но неужто нет
Иных не столь мучительных путей
К могиле, к возвращенью в прах родной?"

"Есть, Михаил ответил. Если ты,
Неукоснительно блюдя закон
Умеренности в пище и питье,
Излишеств не допустишь, возжелав
Лишь должной сытости, а не услад
Обжорства, над главою твоею тогда
Промчатся годы многие, твоя
Продлится жизнь и в надлежащий срок
Ты в лоно материнское, как плод
Созревший, упадешь. Нет не силком
Ты сорван будешь, но легко отъят,
Доспев для Смерти, старость такова,
Но юность ты свою переживешь,
И красоту, и силу, а взамен
Увянешь, станешь хилым и седым,
Все чувства притупятся, ты ничем
Не сможешь усладить угасший вкус,
И вместо полной радостных надежд
Веселой юности, в твоей крови
Состав меланхолический, сухой,

Холодный, под конец одержит верх,
Твои подавит силы и елей
Твой жизненный до капли истощит."

Наш Пращур возгласил: "И так, теперь
Ни смерти избегать не стану я,
Ни тщиться жизнь продлить. Я лишь хочу
Сложить невыносимо тяжкий груз,
Который до назначенного дня
Влачить обязан, с нынешней поры
Распада терпеливо буду ждать."

"Жизнь, возразил Архангел, ни любить
Ни презирать не надобно. Живи
Благочестиво, коротко ли, долго,
Пусть Небо предрешает, а сейчас
Иное приготовься ты узреть!"

Глядит: пред ним равнина, вся в шатрах
Цветных, паслись вокруг одних стада,
А из других звучание несло
Различных инструментов, в дивный строй
Сопрягшее и арфу, и орган.
Был виден тот, кто струны колебал,
Касался клавишей, скользя по пим
Проворной, вдохновенною рукой,
Искусно пробегавшей вверх и вниз,
Слиявшей звуки, фугу проводя
Неоднократно через все лады.
Пылал поодаль раскаленный горн,
Где расплавлял старательный кузнец
Два тяжелых слитка медный и железный
(Пожар, быть может, истребив леса
Нагорные, долинные, проник
В земные жилы, растопил металл,
Из трещин вытекший, а может быть,
Исторгнутый водой из-под земли).
Коваль умело направлял расплав
В зияющие формы, он сперва
Себе орудья сделал, а затем
Немало всяческих других предметов,
Которые чеканкою, литьем
И ковкою возможно смастерить,
Позднее, по ближайшей стороне,
Другое племя с горного хребта,
Где прежде обитало, в дол сошло.
Казались праведными люди эти,
Их мысли на служение Творцу,
И на познание очевидных дел
Его устремлены и наконец,
На все, что может мир среди людей
Упрочить и свободу укрепить.
Недолго им скитаться довелось,
Внезапно вышла, из шатров толпа
Прекрасных жен в одеждах дорогих,
В уборах из сверкающих камней,
Под звуки арф и песни возгласив
Любовные, с плясаньем, к пришлецам
Приблизилась, на их красу мужи
Богобоязненные, несмотря
На строгость, загляделись, волю дав
Несытым взорам и немедля в сеть
Влеченья угодили, в плен сдались,
И каждый милую себе избрал.

Влюбленные беседу завели
О нежности, до вестницы любви
Звезды вечерней, вспыхнула тогда
В них страсть, венчальные зажгли они
Светильники, впервые Гименей
Для брачного обряда призван был,
И огласила музыка шатры
И праздничного пира шумный гул.
Такое счастье встречи их, такой
Союз любви прелестный, красота
Нерасточенной юности, венки,
Цветы и песнопенья, волшебство
Симфоний дивных, сердце привлекли
Адама, он всечасно был открыт
К блаженствам, эта склонность врождена
От естества и свой живой восторг
Он в следующих выразил словах:

"Благословенный Ангел, мне глаза
Отверзший! Это зрелище милей
И большую надежду мне сулит
На мирные и радостные дни,
Чем виды прежние, предстали там
Смерть, злоба или горшие стократ
Страданья, но сдается мне, что здесь
Достигла целей всех своих Природа."

Ответил Михаил: "Не заключай
О совершенстве, только исходя
Из созерцанья чувственных услад,
Хотя бы и природных. Создан ты
Для высшей цели, чистой и святой,
Уподобленья Божеству, а стан,
Тебя обрадовавший, лишь приют
Порока, где потомство будет жить
Братоубийцы. Читатели искусств,
Жизнь украшающих и мастаки
Изобретатели пренебрегут
Своим Творцом. Хотя их вразумил
Господень Дух, они Его дары
Отвергнут, но от них произойдет
Народ прекраснейший. Однако знай,
Что женщины, пленившие тебя
Наружностью прелестной, на богинь
Похожие роскошной красотой,
Веселостью и пылом, лишены
Тех добродетелей, в которых честь
Заклучена семейная и жен
Доподлинная слава, изощрились
Они для похоти, для плотских ласк,
Для пения, плясанья, щегольства,
Манящих взоров, праздной болтовни,
А племя добродетельных мужей,
Что прозваны за праведную жизнь
Сынами Божьими, увы, постыдно
И честь и славу в жертву принесут
Улыбкам обольстительных блудниц
Безбожных, в наслажденьях утопать
Они отныне будут, но потом
Потонут в хляби, и за этот смех
Заплатит мир морями жгучих слез."

Утратив радость краткую, вскричал
Адам: "О, стыд и горе! Путь благой

Избравшие, внезапно отклонясь,
Вступают на неправую стезю
Иль выдыхаются на полпути.
Но вишу, что начало бед и зол
Одно и то же, всюду и везде
И в женщине оно воплощено!"

"Нет, Ангел возразил, источник бед
В изнеженности женственной мужчин,
Которым должно, с помощью даров
Всевышнего и мудрости, хранить
Врожденное достоинство, но ты
К другому зрелищу себя готовь!"

Адам взглянул: пред ним обширный край,
Селенья, пастбища, луга, поля
И людные, под обороной врат
И горделивых башен, города,
Где толпы неисчетные снуют
Вооруженные, грозят войной
Свирепые черты угрюмых лиц.
Ширококостные гиганты эти
Отвагою и дерзостью полны.
Одни оружием учатся владеть
Как можно ловче, взмыленных коней
Другие объезжают. Верховой
И пеший, в одиночку и в строю,
Не для показа праздного сюда
Явились. Там особенный отряд,
За провиантом посланный для войск,
Быков отменных гонит и коров,
Похищенных на пастбищах, гурты
Овец кудрявых, блеющих ягнят
Добычу умножают. Но едва
Уйдя от лютой смерти, пастухи
Зовут на помощь. Сеча занялась
Кровавая. Безжалостно враги
Сражаются и вот, где прежде скот
Щипал траву, теперь простерт пустырь,
Усеянный оружием и костями
И кровью смоченный. Другая рать
Взяла в осаду город укрепленный.
Идут на приступ ярые полки,
Тараны стенобитные влача
И приставные лестницы, ведут
Подкопы, а противники со стен
Кидают камни, копья, тучей стрел
Их осыпают, серный льют огонь.
Бушует обоюдная резня,
Геройские свершаются дела.
Совет сзывают в местности иной
Глашатаи, подняв свои жезлы,
Седые старцы важные спешат
К воротам городским, с толпой сойдясь
Шумливых воинов. Говоруны
Витийствуют вскипает жаркий спор
Противных партий, наконец, явился
Муж средних лет, осанкой мудреца
Заметно выделявшийся в толпе.
Он в долгой речи поминал закон
И беззаконье, высший, правый суд
И благочестье, истину и мир.
Глумясь, готовы были стар и млад
На праведника руки наложить,

Но облако, сошедшее с Небес,
Его сокрыв, незримо вознесло
От буйственной толпы. Во всем краю
Владычило насилье, общий гнет,
Закон меча, и обрести никто
Укромного убежища не мог.

В слезах, стеная, к своему Вождю
Воззвал Адам: "Что вижу? Люди эти
Не люди слуги Смерти, если так
Бесчеловечно причиняют смерть,
Тысячекратно умножая грех
Братоубийцы! Разве не людей,
Своих же братьев губят? Но скажи,
Кто муж, который чуть ли не погиб
За праведность, когда бы не спасли
Его от нечестивцев Небеса?"

Ответствовал Архангел: "Это браков
Неравных, явленных тебе, итог.
Совокупились в них добро и зло,
Враждебные друг другу: их союз
Безумный порождает сыновей,
Чудовищных и телом и душой,
Подобных тем гигантам силачам,
Издравле славным, ибо в оны дни
Лишь грубой силе воздадут почет,
Ее геройской доблестью сочтут
И мужеством. Одолевать в боях,
Народы покорять и племена,
С добычей возвращаться, громоздя
Как можно больше трупов, вот венец
Грядущей славы. Каждого, кто смог
Достичь триумфа, станут величать
Героем, победителем, отцом
Людского рода, отпрыском богов
И даже богом, но они верней
Заслуживают званья кровопийц
И язвы человечества, но так
Известность обретется на Земле
И лавры, а носителей заслуг
Доподлинных забвенью поглотит.
Замеченный тобой степенный муж,
В седьмом колене он потомок твой,
Единый праведник в развратном мире,
Гонимый злобными за то, что весть
Врагам досадную провозгласил
О Господе, который во главе
Угодников своих придет судить
Злодеев и как видишь, унесен
Он в благовонном облаке на Небо
Крылатыми конями, там. Творцом
Воспринятый, он будет пребывать
В спасенье вышнем, в благостной стране,
Где Смерти нет. Но чтобы ты узнал,
Какая праведных награда ждет
И что за казнь порочным предстоит,
Направь сюда зеницы и смотри!"

Взглянул и видит: все изменено,
Свой рев прервала медная гортань
Войны. Везде веселье и разгул,
Забавы, пляски, пышные пиры.
Смешались брак законный и любовь

Продажная. Где ставит западню
Красотка мимоходом, там обман
Супружеский, насильничанье, блуд,
А распря завершает кутежи.
Средь бражников явился человек
Достойный. Омерзел ему разврат,
Он обличал неправые стези
И посещая сборища гуляк,
При виде буйных оргий и торжеств,
Упорно, как преступникам в тюрьме,
Порабощенным душам возвещал
О покаянье, грешников на путь
Добра и правды звал, грозил судом
Неотвратимым. В тщетности речей
Спасительных уверясь, он умолк
И сняв шатры, от гульбищ отошел.
Срубил он лес нагорный и корабль
Соорудил огромный, и в локтях
Длину, и ширину, и высоту
Измерил, и снаружи осмолил,
Дверь прорубил в борту и не щадя
Усилий, заготовил для людей
И для животных множество еды.
О, чудо странное! От всех пород
Скота домашнего, зверей, и птиц,
И насекомых, пары по семи
И по две, словно в строгом распорядке,
Вошли в ковчег и заняли места.
Последними вступили патриарх,
Его три сына, четверо их жен,
И дверь за ними крепко Бог замкнул.
Меж тем дохнул от полдня мощный ветер
И взмахами широких, черных крыл
Столпил громады поднебесных туч.
На подкрепленье горы шлют пары
Сырые, мрачные. Сгустилась твердь,
Застыв, как темный свод, и хлынул дождь
Стремительный и непрестанно лил,
Пока земля не скрылась, а ковчег
Всплыл, клювовидным носом пену волн
Враскачку рассекая, избежав
Опасности, жилища же другие
Погребены, их разметал потоп
В подводной глубине. Морской простор
Иным, безбрежным морем поглощен
И в столь роскошных некогда дворцах
Теперь морские чудища кишат
И множатся. Все то, что сбереглось
От человечества, еще недавно
Столь многолюдного, теперь плывет,
Ютясь в едином утлом корабле.
О, как, при виде жалкого конца
Твоих сынов, ты взгоревал, Адам,
Мир обезлюдил! Захлестнул тебя
С потомками твоими заодно,
Потоп другой потоп горючих слез,
Но нежно Ангел встать тебе помог,
И ты, поднявшись, горя не избыв,
Подобно безутешному отцу,
Скорбящему над гибелью детей,
Одним ударом на его глазах
Сраженных, жалобу свою с трудом
Излил в таких безрадостных словах:

"Зловещие виденья! Жить бы мне,
Грядущего не ведая, сносить
Свою лишь долю горя, ибо дневи
Его довлеет злоба. Но беда,
Призначенная будущим векам,
Внезапно пала на мою главу,
До срока, от предведенья родясь,
Дабы, осуществиться не успев,
Мучительными думами терзать
О неизбежно предстоящем зле.
Пускай никто не смеет наперед
Предузнавать о том, что будет с ним
И с чадами его. Предугадав
Крушение, он беду не отвратит,
А ждать невзгод намного тяжелей,
Чем их испытывать. Но я вотще
Забочусь: некого мне остеречь.
Немногих уцелевших истребят
Лишения и голод, посреди
Скитания в пустыне водяной.
С тех пор как на Земле искоренились
Насилье и война, я полагал,
Что люди преуспеют и навек
Настанет мир. Какой самообман!
Мир столь же растлевают, сколь война
Опустошает. От каких причин
Подобное возможно? Объясни,
Наставник вышний! На моих глазах
Ужель кончается весь род людской?"
Ответил Ангел: "Этих гордецов
Ты видел в роскоши и торжестве,
Бесстрашных и свершающих дела
Великого геройства, но отвергших
Правдивые достоинства. Пролив
Потоки крови, разорив края
Чужие, подневолив племена
Свободные, по всей Земле они
Прославятся и ранги обретут
Высокие, добычею казну
Наполнив, услажденьям плотских нег
И лепи предадутся, погрузясь
В излишества, познав любой порок,
Пресытятся безмерно и тогда
Бесстыдная гордыня породит
В кругу друзей смятенье и вражду.
Равно и побежденные, а ярме
Невольничьем, свободу потеряв,
Все доблести утратят вместе с ней
И страх пред Богом. В роковом бою
С врагами вторгшимися не подаст
Их благочестью лживому Господь
Свою помощь и они совеем
Остынут к праведности, станут впредь
О безопасной жизни помышлять,
Исполненной распутства и тщеты,
Стремясь беспечно пользоваться тем,
Что сохранил за ними властелин,
Земля избыточно произведет
Плоды и злаки сверх людских потреб,
Воздержанность обильем испытует.
Так повредится, развратясь дотла,
Земное население, никто
Не вспомнит веру, истину, добро,
Умеренность и право. Лишь один

Сын Света в темном веке, вопреки
Соблазнам и обычаям, презрев
Дурной пример, озлобленную брань
Сородичей, благое соблюдет.
Попранья и побоев не страшась
И ругани, он будет обличать
Развратников, указывать стези
Правдивые, ведущие народ
К покою, к безопасности, он гнев
Господень грешникам провозвестит
И презираемый, покинет их,
Но праведника в нем увидит Бог,
Единого, среди остальных людей.
Он по велению Господа ковчег
Чудесный выстроит, как видел ты,
Дабы со всей семьей своей спастись
От гибели, которой обречен
Растрепанный мир. Лишь он в ковчег войдет,
С животными укрывшись и людьми,
Для жизни избранными, хляби все
Небесные разверзнутся и денно
И ночью дождь на Землю станет лить,
Источники земных, бездонных недр
Прорвут преграды, бурный океан
Подымет от подступивших вод
И власть прострет свою за берега,
Разлившись далеко, пока потоп
Не скроет гребни высочайших гор,
И Райская гора напором волн
Бодливых будет сдвинута и вниз
С деревьями, кустами и травой
Теченьем ярим смыта, снесена
В залив открытый, там, укоренясь,
Она покрытый солью островок
Бесплодный образует, где жильё
Крикливых чаек стад обретут,
Тюлени и чудовища глубин.
Не наделяет святостью Творец
Места различные, коль Человек,
Их посещая или населяя,
Ее не вносит сам. Теперь, Адам,
Дальнейшие свершенья созерцай!"

Глядит: ковчег несется меж зыбей,
Но воды убывают, облака
Развеяны, их резкий разогнал
Полночный ветер, дыханием сухим
Гладь оседавшей влаги бороздя,
На зеркало пучины знойный взор
Бросало Солнце, утоляя жар
Пекучей жажды свежую водой,
И жидкая, недвижимая стихия
Мелела постепенно, сократись,
Как при отливе, медленно, тишком,
Неуловимо уходила в глубь
Земли, свои замкнувшей родники,
Меж тем как хляби небосвод замкнул.
Ковчег уже не плыл, казалось, он
Осел на высочайшей из вершин.
Вот показались горные хребты
Подобно скалам, быстрые ручьи
Стремительно, плеща и клопоча,
Стекают к морю, что за шагом шаг
Отходит, обнажая материк.

Вдруг ворон вылетел из корабля,
Посол вернейший голубь, вслед за ним,
Отправлен дважды, чтоб разведать вновь,
Отыщется ли древо или пядь
Сухой земли, где мог бы он присесть.
Вторично воротясь, масличный лист
Принес он в клюве примиренья знак!
Земля открылась! Древний патриарх
Со всеми, кто его сопровождал,
Выходит из ковчега. К Небесам
С благодареньем рамена воздев
И взор благоговейный, над собой
Он облако росистое узрел,
А в облаке трехцветную дугу,
Знаменовавшую отныне мир
Всевышнего и новый с Ним союз.
Адам, чье сердце, грустное сперва,
Теперь возликовало, возгласил:

"О, властный мне грядущее явить,
Небесный мой Наставник! Воскрешен
Последним я виденьем, убедясь,
Что будет Человек существовать
Со всеми тварями, что род людской
Не вымрет. Не печалюсь я ничуть
О том, что целый мир погиб в волнах
И все его безбожные сыны,
Но счастлив, что нашелся пред концом
Столь праведный и совершенный муж
И Вседержитель соблаговолил,
Смягчившись, новый мир произвести
От мужа оного. Но растолкуй
Значенье разноцветных трех полос,
Изогнутых на небе, словно бровь
Безгневного Всевидящего Ока?
Не пеструю ли образуют вязь
Каймы текучей тучи водяной,
Дабы она не пролилась опять
И Землю бы не затопила вновь?"

Архангел рек: "Ты мудро угадал.
Воистину, Господь смягчил Свой гнев,
Хотя еще недавно сожалел,
Что Человек ущербный сотворен.
Он, долу глядя, видел, что полна
Земля насильем, всяческая плоть
Совращена с правдивого пути,
И сердцем восскорбел, но, покарав
Отступников, такую благодать
Единый правдолюбец обретет
Пред ликом Божьим, что Господь, сменив
На милость гнев, дотла не истребит
Род человеческий и даст Завет
Потопом Землю впредь не пустошпть,
Ни морю выступать из берегов,
Ни ливням сушу затоплять с людьми
И тварями, живущими на ней,
Вовек не попускать. Когда прострет
Он тучи дождевые, то велит
Трехцветной радуге на небосвод
Явиться, в знаменье и поминанье
Его Завета. Ныне день и ночь,
Посев и жатва, лето и зима,
Порядок неизменный соблюдут,

До времени, когда вселенский огонь
Очистит Мирозданье, а затем
Возникнут вновь Небо и Земля,
Где будут праведники обитать!"